

Максимов Александр Яковлевич

**На Далеком Востоке. Полное
собрание сочинений**

Книга 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
А46

А46 **Александр Яковлевич М.**
На Далеком Востоке. Полное собрание сочинений: Книга 1 / Максимов Александр Яковле-
вич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 322 с.

ISBN 978-5-519-94871-5

ISBN 978-5-519-94871-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Предисловіе.

Обширный Уссурійскій край, отошедшій къ Россіи въ 1858 году по айгунскому трактату *), принадлежитъ къ наиболѣе неизвѣстнымъ, малоизслѣдованнымъ окраинамъ нашего отечества. Долгое время, со дня присоединенія края, онъ былъ для насъ *terra incognita*. Никто не имѣлъ о немъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній; отовсюду слышались донельзя разнорѣчивыя сообщенія. Сходились только на одномъ пунктѣ, что Уссурійскій край можетъ служить для нашего обширнаго отечества новымъ рогомъ изобилія и неизсякаемой сокровищницей всевозможныхъ богатствъ, какъ моря, такъ и земли. И всѣ ждали, терпѣливо ждали, въ теченіи двадцати слишкомъ лѣтъ, того благодатнаго времени, когда во вновь пріобрѣтенной территоріи откроются чудеснымъ образомъ неизсякаемые родники неистощимыхъ богатствъ, и край воспрянетъ отъ своего тысячелѣтняго сна и экономического покоя. Всѣ ждали, совершенно упустивъ изъ виду одно важное, серьезное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, очевидное обстоятельство, что край, самъ по себѣ, какъ бы богато онъ ни былъ надѣленъ природой, не можетъ развить свои сокрытыя силы, не можетъ, безъ энергичной и разумной человѣческой помощи, разорвать сплоченныя тысячелѣтіями оковы невѣжественнаго застоя и вступить на общее поприще уже

*) Окончательно край пріобрѣтенъ по пекинскому договору, въ 1860 году.

культивированныхъ странъ и земель. Этимъ терпѣливымъ, апатичнымъ ожиданіемъ выполнѣ объясняется настоящее печальное положеніе края, какъ въ экономическомъ, такъ и въ политическомъ отношеніяхъ. По настоящее время мы не воспользовались прекрасными естественными условіями вновь пріобрѣтенной обширной территоріи и мало сдѣлали для того, чтобы воспользоваться ими впоследствии. Мы мало подготовили край къ воспріятію тѣхъ необходимыхъ условій, при которыхъ только и мыслимо какое-либо экономическое его благосостояніе, мыслима полезность пріобрѣтенія такого значительнаго куска земли. Ненмѣніе въ крайъ непрерывныхъ сообщеній и правильныхъ почтъ, недостатокъ населенія и добровольнаго движенія *) для заселенія края, ненмѣніе правильной торговли въ настоящемъ смыслѣ слова, какъ иностранной, такъ и русской, наконецъ, недостатокъ средствъ и мѣстный бюрократизмъ—вотъ тормазы, задерживающіе общее благосостояніе края. Всѣ эти тормазы необходимо устранить какъ можно скорѣе, чтобы молодой край былъ полезнымъ для государства пріобрѣтеніемъ.

Надо не забывать, что территорія рѣки Уссури такъ богато надѣлена природой, что ей недостаетъ только рукъ и разумной энергіи мѣстной администраціи, чтобы принять дѣятельное участіе на общемъ торговомъ поприщѣ Китайскаго моря, поднявшагося, въ послѣднія двадцать пять лѣтъ, по громадности совершающейся въ немъ всемірной торговой дѣятельности, выше всѣхъ средиземныхъ морей міра. При этомъ надо помнить, что въ сосѣдствѣ Уссурійскаго края лежатъ: богатая Манчжурія и многолюдная, заповѣдная азіатская Италія—Корея. На нашей обязанности лежитъ пустить въ нихъ

*) Только въ послѣднее время, благодаря просвѣщенному вниманію Мѣнистра Внутреннихъ Дѣлъ, приняты рѣшительныя и положительныя мѣры, касающіяся добровольной колонизаціи богатаго Уссурійскаго края. Переселенцы будутъ доставляться съ настоящаго года на судахъ добровольнаго флота.

глубокіе корни и вовлечь ихъ въ коммерческій круговоротъ. Нѣтъ сомнѣнія, что при всестороннемъ, правильномъ развитіи силъ края, онъ можетъ подняться до высокаго экономическаго уровня. Разнообразіе естественныхъ и физическихъ продуктовъ и произведеній края, начиная отъ морскихъ промысловъ и кончая заповѣдными, строевыми и мачтовыми лѣсами, минеральными богатствами, каменнымъ углемъ, представляетъ почти неисчислимыя средства для самой плодотворной мѣстной промышленности, могущей, въ будущемъ, внести свою дань на торговомъ поприщѣ Китайскаго моря и Великаго океана. При развитіи мѣстной промышленности, явится богатый источникъ вывоза на заграничныя рынки всѣхъ произведеній страны. Въ настоящую же минуту почти всѣ производительныя силы края сидятъ, и онъ страдаетъ почти полнымъ отсутствіемъ отпускной торговли, безъ которой немислимо экономическое благосостояніе обширной территоріи. Необходимо создать отпускную торговлю, необходимо привлечь въ край капиталы, коммерческихъ дѣятелей и промышленниковъ. При этомъ надо обратить особенное вниманіе на то, чтобы послѣдними не руководили исключительно безшабашная нажива и эфемерныя спекуляціи. Проученные крупными ошибками русской торговли и промышленности, на всемъ пути слѣдованія нашей національности отъ Уральскаго хребта и до береговъ Восточнаго океана, мы должны, для благосостоянія края и населенія, стремиться не къ систематическому истощенію его, не къ расхищенію естественныхъ и физическихъ богатствъ, не къ умерщвленію производительныхъ силъ края спекуляціями и безшабашной наживой, не къ эксплуатаціи населенія, особенно инородческаго, а къ экономическому развитію территоріи и ея производительныхъ силъ, къ правильной разработкѣ естественныхъ и физическихъ богатствъ, къ раціональной обработкѣ естественныхъ продуктовъ земли, къ созданію прочной промышленности и торговли съ возможно совер-

шенными способами и приёмами. Мы должны стремиться къ удовлетворенію нуждъ и потребностей мѣстнаго населенія правильной и разумной колонизаціей, должны стремиться къ развитію путей сообщеній внутри края и соединенію Владивостока со всѣми населенными пунктами и въ особенности съ рѣкой Уссури—этою столбовою дорогою Приморской области. На нашей нравственной обязанности лежитъ облегчить населенію края всѣ способы гражданскаго развитія и пробудить въ немъ его умственныя силы, предпримчивость и промышленность. Надо помнить, что Уссурійскій край дорогъ для Россіи особенно въ политическомъ отношеніи. Въ край этомъ мы видимъ единственную окраину нашего обширнаго отечества, прилежащую къ незамкнутому морю, имѣющую болѣе или менѣе трудно прерываемыя связи съ океаномъ. Именно на далекомъ востокѣ Россія имѣетъ полную возможность положить основу прочному значенію нашихъ морскихъ силъ, а слѣдовательно и міровому вліянію. Только на далекомъ востокѣ мы обладаемъ открытой дверью въ океанъ, — дверью, которую мы тщетно стараемся прорубить во враждебной намъ Европѣ, опасющейся политическаго роста великой славянской державы. Крайній востокъ представляетъ для насъ прочный базисъ, опираясь на который мы можемъ смѣло направить свои силы на міровую борьбу съ врагами, грозящими захватить въ свои руки всемірную гегемонію; только отсюда мы можемъ поддерживать необходимое намъ вліяніе на сосѣднія могущественныя государства крайняго востока—Китай и Японію и грозить англійскимъ колоніямъ и англійской торговлѣ, находящимся въ сферѣ дѣйствія нашего дальняго прибрежья. Особенно дорога для Россіи, въ политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ, южная часть вновь приобрѣтенной территоріи, такъ называемый Южно-Уссурійскій край—конечная точка нашихъ приобрѣтеній въ Азіи, добытая постояннымъ, трехъ вѣковымъ, наступательнымъ движеніемъ на во-

стокъ русской народности. Движеніе это, единственное въ исторіи человѣчества, представляетъ отрадное явленіе для народной гордости. Могучая своими задатками, русская народность, въ продолженіи трехъ вѣковъ, ширилась и разрасталась по направленію, пробитому ей отважными піонерами, удалцами знаменитаго Ермака Тимофѣевича, и захватила, наконецъ, крѣпкой цѣпью городовъ и селеній, сѣверную половину стараго материка. По всему этому титаническому пути крѣпко сѣла и сложилась здоровая русская жизнь; вездѣ слышенъ одинъ чистый великорусскій языкъ, одна бойкая, удалая рѣчь; однѣ и тѣ же родныя черты лицъ окружаютъ русскаго путешественника на всемъ протяженіи, начиная отъ Уральскаго хребта и кончая Великимъ океаномъ. Отъ древнихъ обитателей Сибири остались нераскопанные курганы; отъ болѣе позднихъ—падающія и исчезающія племена татаръ, бурятъ, тунгусовъ и т. п., отброшенные къ сѣверу отъ того пути, которымъ потекла русская жизнь и цивилизація. Проѣхавъ Сибирью, убѣждаешься въ величій судьбы предначертанной русскому народу; то, что сначала казалось какой-то чудесной игрой случая административныхъ фантазій, является во всей силѣ и ясности неизбѣжнаго закона всемірной исторіи... У Тихаго океана эта трехъ-вѣковая, могучая ширь русской народности остановилась; идти ей дальше покуда некуда: къ сѣверу—Ледовитое море, съ востока—Великій океанъ и, наконецъ, на югѣ крѣпкія, тысячелѣтіями сложившіяся, много милліонныя народности, долго спавшія въ своихъ стѣнахъ, но теперь, когда стѣны эти пробиты англійскими пушками, постепенно выступающія на общее поприще народовъ.

Южно-Уссурійскій край—точка прикосновенія молодого, русскаго народа съ этими древними, когда-то жившими и теперь вновь воскресающими въ исторіи рассами. Край этотъ заслуживаетъ особенное вниманіе, какъ по красотѣ природы, такъ и по богатству растительнаго и животнаго міровъ,

представляющихъ удивительную, въ высшей степени оригинальную, смѣсь формъ, свойственныхъ какъ сѣвернымъ широтамъ, такъ и тропическимъ странамъ. Въ предлагаемыхъ мною разсказахъ и очеркахъ я желаю, по силѣ возможности, познакомить читателей не только съ замѣчательной природой Уссурійскаго края, а также съ правами, обычаями и характеромъ инородческаго населенія, съ преисполненной всевозможными опасностями и трудностями жизнью русскихъ промышленниковъ и пионеровъ-топографовъ, и, наконецъ, съ малоизвѣстнымъ бытомъ и внутренней жизнью каторжныхъ, нерѣдко болѣе несчастныхъ, чѣмъ преступныхъ, заслуживающихъ скорѣе сожалѣніе, чѣмъ огульное презрѣніе и осужденіе.

При этомъ считаю не лишнимъ предупредить читателей, что сюжеты предлагаемыхъ мною разсказовъ не есть плодъ воображенія, а взяты изъ случаевъ, дѣйствительно имѣвшихъ мѣсто въ Уссурійскомъ краѣ.

А. Я. Максимовъ.

С.-Петербургъ 1883 годъ.

Китобой.

Тихое, ясное, раннее утро; дальний востокъ румянится первыми лучами восходящаго солнца; море не шелхнется—точно замерло; высокіе, утесистые берега Гижигинской бухты смотрятся въ тихую гладь темнозеленыхъ, прозрачныхъ водъ океана. Кругомъ тишина, мертвая тишина. Чуя разсвѣтъ, жалобно свиснуль гдѣ-то куликъ, и опять все замерло, стихло.

Въ глубинѣ бухты недвижно стоитъ небольшая, китобойная, парусная шхуна, рисуясь въ водѣ, какъ въ зеркалѣ; излизанные волнами борта ея сплошь покрыты кровавыми и жирными пятнами; видно давно уже не касалась ихъ ни щетка, ни кисть. Все спитъ на шхунѣ: даже кудластый Шарикъ, этотъ вѣрный и неутомимый стражъ, и тотъ забился подъ полубакъ, предаваясь сладкой, предразсвѣтной дремотѣ.

Востокъ румянится все больше и больше; уже полнеба обхвачено утреннимъ, пѣжнымъ, стыдливымъ румянцемъ. Съ прибрежныхъ камней поднялась ранняя чайка и огласила воздухъ рѣзкими, пронзительными криками; проголодавшаяся послѣ ночнаго сна, зорко всматривается она въ зеркальную поверхность спокойнаго моря и жадно ищетъ вкусной добычи. Въ одномъ мѣстѣ зарыбила воду мелкая рыба; камнемъ упала чайка въ средину ряби и быстро поднялась въ небо, оглашая воздухъ

истерпяливымъ, жалобнымъ крикомъ; рябь исчезла, и рыба бросилась въ глубину—искать спасенія отъ страшнаго, прожорливаго врага. Вотъ показалась изъ-за горизонта золотая макушка солнца, какъ будто исподтишка высматривающаго, не пора-ли ему подняться съ почнаго его ложа. Еще нѣсколько минутъ, и яркое свѣтило, отдѣлившись отъ кругозора, обдало тихую гладь спокойнаго моря цѣлымъ снопомъ свѣтлыхъ, играющихъ въ водѣ лучей. Проснулось все; стали чаекъ заволновались въ воздухѣ, оглашая его невыносимо рѣзкими, неприятными криками. Съ ближняго озера поднялись утки и длинной вереницей потянулись къ бухтѣ; грузно плещулись они въ воду и важно поплыли, тщательно обчищая широкими носами крылья и хвосты. Тучи мелкихъ куликовъ заматались вдоль песчанаго берега, спѣша подобрать, выброшенные услужливымъ приливомъ, ракушки и мелкую рыбу. Вотъ выплыла на бухту гагара; безпокойно озирается она во всѣ стороны и при каждомъ подозрительномъ шумѣ и всплескѣ моментально исчезаетъ подъ зеркальной поверхностью словно уснуваго моря...

Проснулись и на шхунѣ; съ грязной, пропитанной кровью и жиромъ, палубы стали подниматься китобои, осѣняя грудь широкимъ крестомъ. Почесываясь и позевывая, пробираются они на бакъ, къ „братскому“ котлу, уже наполненному „кокомъ“ (судовымъ поваромъ) дымящимся, неизмѣннымъ горохомъ; ихъ загорѣлыя, обвѣтрившіяся, суровыя лица дышатъ отвагой и силой. Молча усѣлись они вокругъ котла, молча разобрали ложки и стали ѣсть, лѣниво и какъ-то нехотя: трудно пережевывался крѣпкій, затхлый сухарь... Позавтракали; обтерли ложки, кокъ прибралъ котель, отлить въ корыто порцію для голоднаго Шарика, а остальное выплеснулъ за бортъ. Чайки, какъ безумныя, заматались надъ плавающими остатками завтрака и жадно стали отбивать одна у другой крохотные кусочки еще не размокшаго сухаря.

Солнце поднялось уже довольно высоко; съ берега потянуль легкій вѣтерокъ, едва зарябившій ясную гладь спокойнаго моря. Изъ кормоваго люка показалась плечистая, здоровая фигура, съ окладистой, темнорусой бородой, и пристально стала всматриваться въ горизонтъ, прикрывая глаза широкой ладонью. Это былъ хозяинъ судна, Савелій Никитичъ Зайцевъ, охотскій мѣщанинъ.

Прошло уже три мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ Зайцевъ со своей шхуной изъ Аяла, а между тѣмъ ему удалось расчлостовать только одного небольшого кита да нѣсколько десятковъ тюленей. Заходилъ онъ для промысла чуть-ли ни во всѣ бухты Охотскаго моря, но все безуспѣшно: американскіе китобои опередили его и успѣли переловить или разогнать китовъ, собравшихся было въ бухты для метанія дѣтенышей. И пришлось Савелію, что называется, пользоваться объѣздами иностранныхъ, непрошенныхъ гостей, назойливыхъ прищельцевъ, распоряжающихся въ нашихъ водахъ, какъ у себя дома. Досадно это, правда, а ничего не подѣлаешь, потому что начальство смотритъ на чужеземный промыселъ у нашихъ береговъ сквозь пальцы.

Съ Савеліемъ вышелъ въ первый разъ на промыселъ его четырнадцатилѣтній сынъ, Иванъ; ужь какъ не хотѣла мать отпускать милаго Ванюшу, да не смѣла просить мужа оставить его дома.

— Довольно молодцу баловать, не пришить же онъ къ твоей юбкѣ,—говорилъ Савелій:—надобно ему и море показать, и съ промысломъ познакомить. Старъ буду, ему же придется на шхунѣ-то ходить, да погуливать. Шхуна не лошадь: сядешь да не поѣдешь.

Савелій былъ мужикъ суровый, строгій и бѣда какой расчетливый: лишней копѣйки даромъ не пропустить. Работниковъ своихъ держалъ въ ежевыхъ рукавицахъ и вообще не баловалъ ихъ ни пицей, ни обхожденіемъ.

— Распустить легко, а скрутить придется и энскрутишь,—говаривалъ Зайцевъ:—Пойдешь въ море съ

вольной-то командой, того и смотри, что съ жиру сбѣсятся и меня же при случаѣ ужокошатъ.

И онъ былъ правъ. Съ промышленниками надо было держать ухо востро и попридерживать ихъ на вожжахъ, какъ можно туже, тѣмъ болѣе, что самъ Савелій даже не зналъ, что за люди промышляли съ нимъ. Паспортовъ у нихъ онъ не требовалъ и всегда считалъ это требованіе излишнимъ и для себя стѣснительнымъ.

— Не все-ли равно, съ паспортомъ у меня работникъ или безпаспортный,—говаривалъ обыкновенно Зайцевъ въ отвѣтъ на дружескія предостереженія жены:— Паспортъ человѣка не передѣлаетъ, да и что такое паспортъ—захотѣлъ и купилъ за полтину хоть дворянскій видъ. Мастеровъ разныхъ, сама знаешь, у насъ видъ непочатый уголъ. По мнѣ будь только человѣкъ здоровый, да работающій, ну, и милости просимъ. Каторжникъ-ли онъ, бѣглый или иной какой человѣкъ—мнѣ все равно. Промышляетъ себѣ хорошо, смиренъ, ну, и Богъ съ нимъ—пускай промышляетъ. По мнѣ, каторжный даже лучше, потому что нищей не избалованъ, да и въ страхѣ держать его легче.

Савелій обращался вообще съ промышленниками сурово. Только къ двумъ лицамъ на шхунѣ онъ чувствовалъ какую-то особенную слабость: къ своему Ванюшѣ и старому, ловкому гарпунищику, Якову Матвѣичу, какъ величали его всѣ шхунскіе. Въ присутствіи ихъ Савелій положительно перерождался: постоянно нахмуренный лобъ сглаживался и въ глазахъ его загорался ласковый, теплый огонекъ.

Охотскій мѣщанинъ, Яковъ Матвѣичъ Ряжевъ, былъ на шхунѣ, что называется, воротилой всего дѣла и правой рукой Зайцева; никто не зналъ лучше его мѣстъ, гдѣ чаще всего попадаютъ киты, гдѣ водятся тюлени; никто не зналъ лучше какъ добывать изъ этихъ громадныхъ млекопитающихъ спермацетъ, ворвань и китовый усь.

Гарпуномъ своимъ Яковъ Матвѣичъ дѣйствовалъ мас-